

Генерал Пилипенко. Совпадения и несовпадения

25 сентября 1943 года войска 50-той армии Брянского фронта вошли на территорию Хотимского района. На следующий день, 26 сентября, Хотимск стал первым районным центром Могилевщины, над которым было поднято Красное Знамя. Началось освобождение Советской Белоруссии от фашистской оккупации. Это факты общеизвестные. И в это же время в ночь с 25 на 26 сентября 1943-го года прямо напротив исторического центра Киева на правый берег Днепра высаживается первая разведывательная группа 1318-го стрелкового полка 163-ей стрелковой дивизии 38-ой армии Воронежского фронта. Немцы, засевшие в городе, такого нахальства не ожидали, не сразу поняли, что происходит. А когда догадались, обрушили на плывущие лодки всю мощь заградительной артиллерии. Лишь несколько десятков разведчиков смогли высадиться на подконтрольный врагу берег. Среди них младший сержант Михаил Пилипенко, связист. Ему всего три недели назад исполнилось 19 лет, но он успел отличиться и в боях под Москвой, и на Курской дуге, и вот опять ему одному каким-то чудом удалось дотянуть до места высадки телефонный кабель. Через весь Днепр. Есть связь со штабом полка! Задача выполнена.

Впоследствии генерал-полковник Михаил Корнеевич Пилипенко, Герой Советского Союза, приезжая на родную Хотимщину, любил вспоминать этот эпизод своей боевой биографии: «Какое удивительное совпадение! Когда освобождали Хотимск, я освобождал Киев!».

надеждой, что вот-вот всё наладится, что выздоровеет. Мне пророчила счастливую долю. Говорила: «Учись, Михаська, сердце подсказывает, вырастишь большим человеком. Я так хочу тебя увидеть взрослым...». Учился Михаил и в самом деле охотно, жадно постигал науки. И уже в средних классах решил твердо – будет учителем сам. Это стало мечтой подростка. Его целью. «В школу я пошел босиком, с большим желанием и интересом к учебе. Я попал в другой мир. В школе я был активным пионером, участвовал в собраниях, слетах, митингах, самодеятельности, писал стихи, плакаты к 1 Мая и 7 Ноября. В качестве поощрения ездил в пионерские лагеря. В 4-ом классе за успешную учебу меня премировали отрезом ткани на рубашку. Отец, наконец, понял, что я серьезно отношусь к учебе. А мама больше меня радовалась подарку и показывала отрез всем на селе».

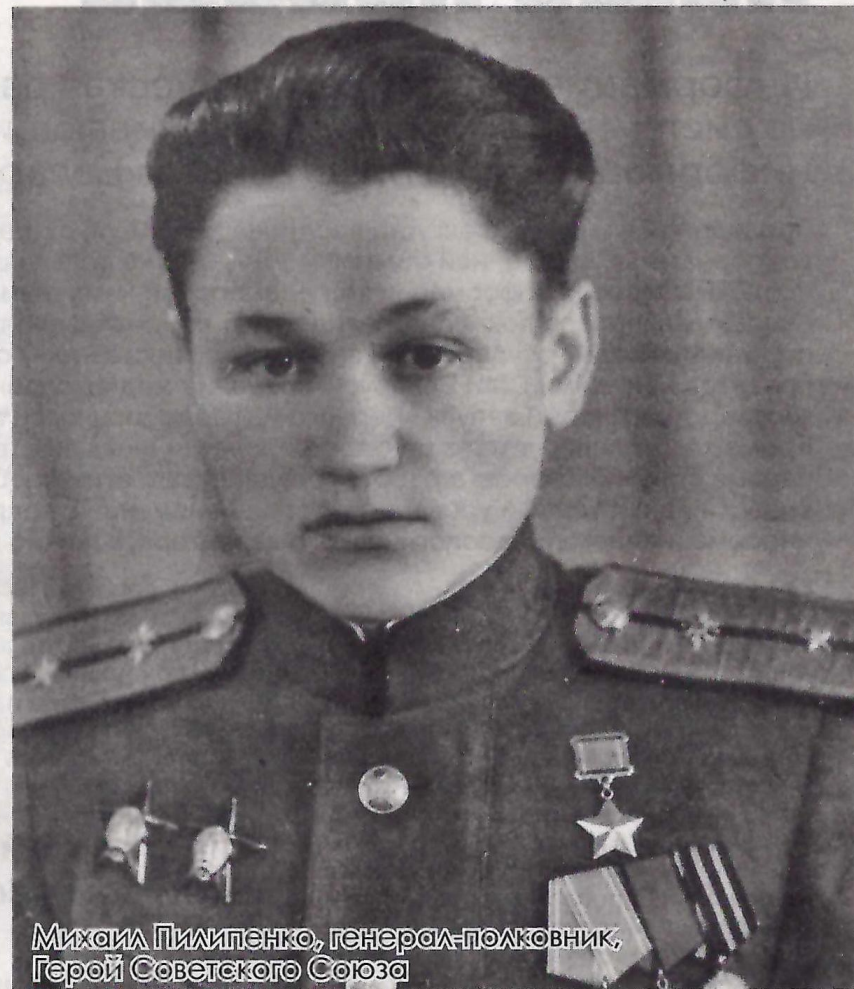
Миша вовсе не был любимчиком у родителей. Бывали они и суровы, насколько и суровым было время. Наряду с учебой приходилось будущему генералу выполнять тяжелую крестьянскую работу. А за шалости и провинности доставалось ему от любимой мамы «вожжами от пяток до затылка». Серафима Анисимовна не смогла победить болезнь. 29 марта 1939 года она ушла из жизни. Для 15-летнего Михаила это стало первым большим шоком в жизни.

«Даже не пошел на кладбище. Не кинул на могилу горсть земли. Спрятался в сарае, чтоб

или иначе «В мае 1940 года в жизни нашей семьи произошли изменения – появилась новая хозяйка. Это была Мария Копрова, старшая сестра моего школьного товарища. Сначала я никак не мог терпеть чужого человека в хате. И только потом понял, что эта бедная женщина только из жалости к нам взяла на свои плечи непомерно тяжкую ношу – пошла на пятерых детей, да еще и своих двое...».

Да, Корней Петрович Пилипенко женился второй раз. И мачеха была немногим старше чем на десять лет. Михаил не то, чтобы невзлюбил ее, а скорее стыдился. Не воспринимал, как родную душу. Не обижал, но и симпатии не проявлял. С такими смешанными чувствами Михаил и ушел на фронт. Подробно о фронтовых буднях расскажем позже. Пока отметим, что Михаила Пилипенко, по его признаниям, очень тяготила неизвестность: что происходит в родной Дубровке? Все ли живы? Нет ли вестей от отца, воевавшего на соседнем фронте? Белоруссия была оккупирована. И два года он не получал писем, и сам писать не мог. Когда стало известно, что Хотимский район освобожден, Михаил отправил всего пару строк на имя сестры Марийки. Мол, жив-здоров. Бью фашистов на Украине. Писал без надежды на ответ. Но в ноябре 1943 года он получил первое письмо из дома. Писала мачеха Мария Емельяновна.

«Стал, оперся на поваленное дерево. Не сразу отважился – развернул треуголь-

Михаил Пилипенко, генерал-полковник, Герой Советского Союза

заголосили женщины, собирали своим мужьям, сыновьям, братьям в дорогу снедь и одежду. Михаил по возрасту под мобилизацию не попал. Но вызвался проводить отца Корнея Петровича до райцентра. Это была хитрость. Для себя Пилипенко-младший уже все решил. Не запишут в добровольцы — сбежит на фронт. Во дворе военкомата былолюдно. Призывники, провожающие, просто любопытные. Миша легко затерялся в толпе. Встал в очередь с мобилизованными. Корней Пилипенко стоял

вания не дали. И патроны, рассованные по карманам пиджаков и штанов, смешно бряцали у каждого бойца. Обучение обращению с оружием назначили на следующий день, а пока отправили отдыхать с марша в ближайшую рощу. Под открытым небом. Ночью все и произошло.

«Была тихая летняя ночь. Пошел аккуратно между спящими. Нашел отца. Он сидел под деревом, палил сигарку. Увидев меня, встал, положил

собирая и изучая материалы к этому очерку, я пришел к выводу, что вся жизнь нашего прославленного земляка — это череда удивительных совпадений. Словно какая-то неведомая сила вела Михаила Корнеевича через запутанные зигзаги судьбы. Иногда даже наперекор его собственной воле. И вместе с тем в официальных версиях его биографии и в его собственных воспоминаниях и мемуарах огромное количество несовпадений. Я не ставлю своей целью выдать в этой статье некую «единую истину». Просто хочу рассказать об интересных, малоизвестных и героических эпизодах. Некоторые отыскал в официальных исторических источниках, некоторые в его книгах «Віч-на-віч з Війною» и «Горжусь великим прошлым», любезно предоставленных Хотимским историко-краеведческим музеем. Некоторые истории я слышал в пересказе людей, знавших Михаила Корнеевича, а некоторые он рассказывал сам. Мне повезло, я дважды беседовал с ним. Выделенные курсивом фрагменты текста — это прямые цитаты генерала Пилипенко из его книг, часть из них в оригинале на украинском языке, я взял смелость перевести их на русский.

Две мамы

Миша Пилипенко родился в деревне Дубровка 3 сентября 1924 года.

«Семья у нас была большая: отец Корней Петрович, мать Серафима Анисимовна и пятеро детей. В деревне говорили, что у моего отца золотые руки, потому что все умел делать. Мать, как и все женщины, работала в поле. Тяжело ей было. Болела часто. Жила наша мама

выплакала без свидетелей. Прошло много лет, а я до сих пор мучаюсь мыслью: как можно было не проводить маму в последний путь? Бывая в деревне, непременно иду к могиле матери, приветствую: «Здравствуй, мама!». Перед отъездом прихожу проститься».

Жить дальше в родном доме стало для Михаила невыносимо. Обязанности хозяйки взяла на себя младшая сестра Марийка, 14-летняя девочка. Отец горько тужил о смерти жены. Все напоминало о ней и вызывало боль. По протекции директора Березковской школы девятиклассника Пилипенко принимают без экзаменов на курсы учителей начальных классов в Мстиславль. Он никому из домашних не говоря, практически сбегает, пешком добирается до станции Коммунары, оттуда «зайцем» доезжает до станции Ходосы, и снова пешком до Мстиславля. Экзамены сдавать все же пришлось, а учиться в Мстиславле пришлось недолго. По запросу того же директора школы деревни Березки, Михаила переводят на заочное обучение и отправляют назад, в связи с нехваткой учителей.

«Прибыли к директору Березковской школы М. Тычина, и по его распоряжению меня оставляют в 10-м классе. Начал учебу, учился и подменял учителей 1-3-его классов». Так пишет сам Михаил Корнеевич Пилипенко в книге «Горжусь великим прошлым», но в другой книге, написанной ранее, «Віч-на-віч з Війною» он об этой истории не упоминает. Это первое несовпадение. Так

ник. «Здравствуй, мой дорогой сыночек!». Прочитал раз, второй, третий и не сдержал слёзы. «Мы твое письмо читали и перечитывали всем селом. Как мы живём? Горе великое на нас свалилось. Нету нашей Дубровки. Её спалили фашисты. Сейчас на месте, где было село — руины, а среди них торчат печные комины. Ты уже взрослый, потому скажу все, что на сердце. Скажу то, что никому не говорила. Было так, что я боялась идти в вашу семью. У меня двое детей сирот, вас пятеро — тоже сироты. Всех жаль. Того и боялась, что не сумею поровну разделить свое сердце. А хотелось, чтобы все были моими родными. Переборола себя. Не было у меня ни лучших, ни худших. Все одинаковые. Поверь, я всю себя отдала детям, все делали, чтобы их сберечь. Не карай меня жестоко: не сумела выходить наименьшего... Иванка помер от хворобы. Остальные — живы-здоровы. Ждут тебя. Сынок, приди хоть на день, хоть на час, чтобы взглянуть на тебя. Береги себя. Очень все просим. От батьки нету весточки. Очень ждем. До твоего приезда, может построим какую хижину... Твоя любящая мама Мария Емельяновна Пилипенко». С того момента я стал называть эту прекрасную женщину мамой...».

Связист, десантник, разведчик
Повестки в районный военкомат почтарь доставил в Дубровку 12 июля 1941 года. В каждой хате

были. Корней Пилипенко стоял в другой очереди. В первый раз, когда Миша подошел к столу, за которым лейтенант Красной Армии заполнял бланки, его, Мишу, отвели в сторону. «Только сопляков на фронте не хватает!», — буркнул лейтенант. Миша обошел двор вдоль забора и встал в очередь снова.

«Для самоуспокоения стал выдумывать аргументы, почему я хочу в армию. Ну и что, что мне нет еще и семнадцати лет? Имею право быть призванным! Я — радист, готовый связист. Еще в школе выучил азбуку Морзе, устройство передатчика и неплохо работал на ключе. Это должно заинтересовать всех командиров. Когда лейтенант поднял на меня усталые глаза и показалось, что снова хочет прогнать, я взорвался гневом: «Не запишите?! Я все одно убежу в армию!!!». «Ну и черт с тобой!» — ответил лейтенант и записал в список. Я встал в строй и неожиданно встретился взглядом с отцом. Кивнул головой, развел руками, мол, сам не знаю, как так вышло. Отец не сводил с меня взгляд. Пожимал плечами, а глаза его наполнились тяжелой грустью и болью. Тогда я почувствовал: не должен был делать того, что сделал».

Боевое крещение новобранец Михаил Пилипенко получил до прибытия в часть. Колонны пополнения из Хотимского и соседних районов пешем порядком направляли в тыл. Отец и сын шли рядом. Прибыли на станцию Жиздра в Калужской области. Только тут выдали оружие и боеприпасы. Винтовку-мосинку и по тридцать патронов россыпью. Обмундиро-

пиджак и сказал: «Подремай трохи, а я пойду посты про-верю...». Закрыл глаза и сразу провалился в сладкую тишину. Потом наплыли кошмары. Поднял голову. Над лесом гудел самолет. Прибежал капитан и как выстрел прозрел его голос: «Тревога! Фашисты! Десант!». Поднялась стрельба. Часть десанта приземлилась без потерь за лесом и уже шла к станции. Светало. Я шмыгнул под старую сосну и залег. И вовремя. Ряд пуль пролетел над моей головой, сбивая листья подлеска. И вот из-за деревьев показались темные фигуры, расчищавшие себе путь автоматными очередями. Один шел прямо на меня. Высокий, расхристанный, с закатанными рукавами. Как мясник. Шел уверенно. Взял бы он немного ниже и пули прошли бы по мне. Прицелился и нажал на крючок. Карабин вздрогнул. Фашист словно наткнулся на невидимую стену. Упал навзничь. Против меня никого не было. Выскочил из-под сосны. Схватил автомат и назад. Бой вспыхнул с невиданной силой. На меня уже не шли, а бежали десантники. Я стрелял и из карабина, и из автомата. То тут, то там перекликались взрывы гранат. У нас гранат не было. Помню перед моими глазами вспыхнуло пламя, потом сильный удар и... день погас. Наши новобранцы не пропустили врага. Много односельчан погибло. Меня контузило. Очнулся в госпитале в городе Елец. Медсестра рассказала, что принес меня на руках отец».

(Продолжение в ближайшем номере «ШК») **Александр АЛЕКСАНДРИН**